

Чтоб продали там снеди полный короб
И заказали ужин и ночлег.
Больной лежал, не подымая век,
Но гостю все ж с почтеньем прошептал он,
Что, да простит отец, сидеть устал он,
Но рад его послушать и принять.
И начал сборщик, как всегда, вещать:
«Свидетель бог, о вашем я спасенье
Не оставляю, друг мой, попеченья.
Не счесть акафистов, молитв и свечек,
Которых я, как жертвенных овечек,
Принес за вас к святому алтарю.
А *ex cathedra*²⁰³ как я говорю,
Я текстами ваш слух не утруждаю,
Их толкованием сопровождаю,
А толкование – тяжелый труд,
Слова иные прямо насмерть бьют.
И вот внушаю, чтобы не скупились
И чтоб даянья братии дарились.
Но где ж хозяйка? Что ее не видно?»
«Да во дворе замешкалася, видно.
Сейчас придет». И точно, появилась
В дверях хозяйка и чуть-чуть смутилася.
«Святой отец, да где ж вы пропадали?
Полгода, как вы нас не навещали».
Хозяйку, толстощекую, что репка,
Монах галантный тут же обнял крепко,
Поцеловал и, обращаясь к ней,
Защебетал, как юркий воробей:
«Сударыня, когда бы мог, поверьте,
Не покидал бы вас до самой смерти.
И где бы ни была моя нога,
Повсюду я покорный ваш слуга.
Я обошел по всей округе храмы,
Но не видал нигде прелестней дамы».
Она в ответ: «Ну что вы, нет, не надо!
А гостем вас всегда я видеть рада».
«О, *grand merci!* Я рад услышать это.
Во мне душа любовью согрета.
Но если будет ваше позволение,
Я Томасу благое наставленья
Хотел бы преподать. Ведь духовенство
Приходское и всякое священство
Лениво очень; на свой риск и страх
Я поступаю в божиих делах.
Вещаю я Петра и Павла слово,
Ищу повсюду я себе улова.
Но и Христу идет с того процент,
Пред ним оправдываю свой патент».
«Да, да, отец, вы мужа побраните
И к благодушию его склоните.
Уж, кажется, хожу за ним, ей-ей,

²⁰³ С амвона (*лат.*).